

A person with a backpack is walking away on a forest path. The path is narrow and appears to be made of stone or dirt, with some water on it. The forest is dense with tall trees and lush green foliage. The lighting is soft and dappled, suggesting a misty or overcast day. The overall mood is serene and adventurous.

Владимир Охримец

Лесная ИСТОРИЯ

Владимир Юрьевич Охримец

Лесная история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73420183

SelfPub; 2026

Аннотация

История человека, заброшенного желанием провести последние дни борьбы с неизлечимой болезнью в глухой лес, его спасение и неотвратности судьбы.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Владимир Охримец

Лесная история

Глава 1

Автобус в последний раз дернулся, взвыл, одолевая оставшиеся метры пыльной дороги, и заехал, наконец, на станцию. С шумом ухнула тормозная система, и коротко лязгнув, распахнулась автобусная дверь. Из автобуса вышел человек. Он опустил на землю большой туристический рюкзак с высокой прочной спинкой и огляделся. Деревня была последней остановкой этого автобуса. Маршрут недаром хотели закрыть, во избежание убытков. За все время многочасового путешествия у приехавшего было лишь трое попутчиков, двое из которых с лицами, явно разыскиваемыми милицией, а третья престарелая бабушка, божий одуванчик, за каким-то чертом заехавшая из города в эти глухие места. Все трое сошли раньше, в предыдущей деревне и он, в полном одиночестве, телепался затем в пазике еще несколько часов, морщась от боли, когда автобус особо сильно подбрасывало на ухабах.

Станцией это место называлось весьма условно – кирпичная будка со штукатуркой, полуосыпавшейся, за долгие годы существования настенной живописи, и разбитым фонарем

над входом. Когда-то, может быть, в период правления Великого и Ужасного, это место и почиталось в качестве здания автовокзала, но не сейчас. Теперь оно тоже пользовалось спросом и тоже у людей, ориентируемых на путешествие, но только для других целей. Вот, как раз двое из таких, весьма характерной наружности и, судя по штанам на одном и юбко-образного балахона на другом или, скорее – другой, выходят из дверного проема, даже не потрудившись поправить одежду после справления своих нужд.

Человек, вышедший из автобуса, выглядел на сорок, сорок пять, был слегка небрит. Из-под легкой парусиновой кепки выбивались черные густые волосы, давно не видывавшие расчески. Одет он был, как и полагается туристу, по лесному – энцефалитка с откинутым капюшоном, джинсы и кроссовки на ногах.

Приезд автобуса и сам по себе был довольно редким событием, а тут еще с пассажиром. На станцию потихоньку подтянулись две любопытствующие бабуси. Одна – вся укутанная в серый платок, поддерживала под руку свою спутницу в стареньком драповом пальто. И хотя на улице было еще достаточно тепло, все-таки лишь начало сентября, вторая бабушка заметно мерзла даже в таком одеянии. Обе зрительницы многие годы уже не были ничем заняты и, как мотыльки на свет, собирались каждый понедельник на автостанцию, ожидая прихода автобуса. Авось, что-нибудь новое, да и случится. Им, в отличие от городских ровесников совсем некого

было обсуждать. Жизнь в деревне давно не была ключом, а, скорее, медленно догорала. Молодые люди, личной жизнью которых и питались старушки, давным-давно разъехались в города и даже не помышляли вернуться на родину, лишая бабулек источника получения новых эмоций. Каждое свежее лицо, прибывшее в их деревушку, тщательнейшим образом исследовалось, и все, даже самые незначительные мелочи замечались и запоминались.

Сегодня, на вечерних посиделках тоже будет, о чем рассказать своим товаркам, упиваясь их вниманием. Еще бы узнать, чего ему надобно здесь, этому заблудшему туристу. Поди, потерялся, бедолага.

По большому счету, любознательным старушкам не особенно и требовалось знать правду. Всю историю приехавшего они могли рассказать тут же. Слава богу, мало что могло укрыться от их внимательного взгляда. Ну, а если все же и укроется, фантазия с лихвой дополнит недостающие пробы.

– Бабушки, – обратился к ним приезжий, – не подскажете, где здесь магазин?

– Как не подсказать, милоч, – вызвалась она из них, та, что в платке и махнула рукой на соседний дом, такой же старый, но еще с целой дверью, сейчас заколоченной крест-накрест досками, – вон он рядом. Только нет там никого. Любка еще по весне все распродала и в город подалась, с хахалем.

– А, что так? Торговли, что ли нет? – скорее из вежливо-

сти спросил приезжий, крутя головой в поисках других выживший в войне с жизнью.

– Так кака нынче торговля, сынок? Тут всего-то и осталось, мы, с Федоровной, еще три пары стариков, да энти вон, – она мотнула головой в сторону бомжей, – аспиды. Сил моих нет, на них смотреть. Молодых давно нет, а нам много-то и не надо. Доча вона, хлеба, вишь привязет на выходные, да и на том спасибо. А ты, чо ль, заблудился или каво? К кому приехал-то? Неуж-то Маланьи внучек?

– Нет, бабушки, нет здесь у меня родственников. Я тут в лес собрался.

– А-а-а! – догадливо закивала разговорчивая старушка, не давая незнакомцу возможности вот так просто улизнуть с допроса. – За шишкой поди собрался? Тольки у нас тута поблизости-то все выбрали. Из города давеча на трех машинах приезжали. Нашумели, лес порубали, после них только ж пеньки и остались. Если чаво хочешь найти, далеко тебе надобно идти. Да ты в своих штиблетах далеко не уйдешь. – Она с сомнением посмотрела на его кроссовки. Хошь, могу сапоги мужнины тебе дать. Мужик-то мой уж два годочка как преставился. После него вот и остались. – Голос ее дрогнул, и она смахнула привычную слезу.

– Да нет, спасибо, бабушка. У меня есть сапоги. В рюкзаке лежат. Я вот что хотел спросить у вас.

– Так давай, спрашивай, мы тут всех знаем! – Оживилась говорившая, радуясь продолжению общения.

– Вы не знаете, нет ли тут у вас охотников? Мне бы ружье купить какое, да патронов немного, если есть.

– Как же нет! Так у меня же и ружье есть, тоже ж от Васи моего осталось, да и патроны, поди, там были. Он же ж у меня справный хозяин был, все берег для сыночка то. А тому в городе какая уж охота. Самого чуть не застрелили, когда на рынке был. А ты чо по магазин то спрашал? Там хотел ружье купить, чо ли? – Она начала было про свою жизнь, но незнакомец вдруг как-то сильно сморщился, будто от боли и охнул, схватившись за желудок. Рюкзак, не поддерживаемый теперь, тут же упал на пыльную дорогу, и говорившая замолчала, с жалостью глядя на его страдания.

– Плохо тебе, милоч? А у нас тут ведь и больнички то нет. Ежели сами болеем, только оспирином и лечимся. Фельшер тоже удрала, когда ей перестали платить. Все равно ить лечить нечем. Лякарств, то и раньше не было. Чо ж ты такой больной то, да в тайгу собрался. Тебе ж лечиться надобно.

– Ничего... Да, думал в магазине справки навести, но раз у вас есть... – Все еще морщась, проговорил, наконец, парень и слабо улыбнулся. – Так продадите мне ружье, бабушка?

– А, чо ж не продать? Продам. Много не возьму. Но за триста рубликов поди продам. Не дорого?

Парень внутренне усмехнулся. Он не знал, сколько точно может стоить подержанное ружье, но за триста современных рублей, он догадывался, ему не продали бы даже и патроны к этому ружью.

– Давайте так сделаем, вы мне его покажете, и я думаю, мы договоримся о цене.

– Слушай, – Бабушка испугалась, что запросила слишком много, – ежели триста для тебя много, я могу уступить, тут уж не бойся.

– Да что вы! Цена вполне нормальная. Я не думаю, чтобы ваше ружье его не стоило. Как вас, кстати, зовут?

– Я баба Дуся. А это вот, – она кивнула на молчаливую соседку – баб Тамара, – только она совсем мало говорит, но почти все понимает. Ну, пойдём, чо ли милоч, в избу? Как тебя то самого то кличут?

– Николай я, баба Дуся.

Дом у бабы Дуси, когда-то еще исправный, теперь только навевал грустные мысли о временности всего на Земле. В заборе зияли прорехи выломанных штакетин, а замшелые шиферины, когда-то аккуратно закрепленные на крыше, тут и там теперь были подоткнуты листами железа. Внутри же было на удивление чисто прибрано. Хозяйка усадила свою подругу на табурет и, довольная появлением в доме гостя, засуетилась, налаживая на стол.

– Баб Дуся, вы не готовьте ничего. Спасибо! Я... не буду. – И увидев зарождающуюся обиду в глазах женщины добавил тихо. – Нельзя мне. Не могу я есть.

– Ах, ты ж господи, – запричитала старушка, и глаза ее опять наполнились слезами. – Что ж ты милый...

– ... Баб Дуся, простите, меня. – Он перебил зарождаю-

щийся долгий разговор со слезами и жалостью, – Идти мне нужно. Покажите уж ружье.

– Куда ж ты милый, на ночь-то глядя? – Страдальчески глядя на больного проговорила хозяйка, но потом подошла к комоду и открыла нижний ящик. – Иди вот, погляди. Вот оно, Васино ружье. Тут вона и коробки каки-то есть.

– О! – только и вырвалось у приезжего, когда он достал из чехла отлично сохранившуюся тульскую вертикалку двенадцатого калибра. – Оно же, как новое! – восхищенно проговорил он, и глаза его оживились при виде оружия.

– Да, сынок, я ж и говорю, Вася у меня справный был хозяин, царствие ему небесное! – В ее голосе слышались нотки гордости за мужа. – Ты вот что. Ты бери его просто так, в подарок. Какие тут мне деньги. Меня скоро и саму на погост снесут. На похороны я себе собрала. Куда мне ишо. А тебе, как-никак, лечиться надо. Лякарства то нынче каки дороги.

– Нет, что вы баба Дуся! Даже не думайте! – заволновался Николай. – Даром я его у вас брать не буду. Вы вот что. Я вам заплачу тысячу рублей, хотя, думаю, оно стоит много больше.

– Нет, Микола! – В глазах у женщины проявилось упрямый блеск. – Денег я у тебя не возьму, даже и не предлагай. Обижусь. Бери ружье. Авось оно тебе ишо послужит. Будешь охотиться, да Васю моего помяни добрым словом. Мне и радостно будет на душе то.

Да что же это такое. Вот напасть тоже... Николай в душе

уже пожалел, что попросил продать ружье. Забирать его даром не позволит совесть, да и деньги ему все равно нужно потратить. Не нести же их с собой... туда.

– Ну, хорошо, баба Дуся. Возьму его. Спасибо. И... пойду я! Прощайте! Хорошие вы люди!

– И тебе всего хорошего, Микола, выздоравливай! Будешь из лесу-то вертаться, заходи к нам, погостишь ишо.

Уже во дворе, закидывая за спину ружье и рюкзак, Николай позволил себе улыбнуться. Он все-таки успел исподтишка сунуть под скатерть две тысячи. Ему они уже не помогут, а бабушкам, на первое время пригодятся. Авось, какая автолавка приедет.

Глядя в окно ему вслед, баба Дуся, прижимая ко рту платок с ужасом в голосе проговорила сама себе или подруге.

– А, ведь он помирать в лес то пошел! Вот горе-то, горе!

Часы показывали три, а идти до ближайшего зимовья было, не много не мало, но пару десятков километров точно. Несмотря на то, что по сосновым борам он мог передвигаться довольно быстро даже при нынешнем стоянии, до ночи ему нечего было и надеяться туда добраться. Скоро деревня кончилась и после заросших густым бурьяном пустошей, когда-то бывших колхозными полями, он вошел, наконец, в лес.

Воздух был прохладен и свеж. Запах хвойных деревьев настолько опьяняюще подействовал на него, что очередной приступ прошел несколько быстрее и не так болезненно. Он

ускорил шаг. Ноги легко вышагивали по пружинящему хвойному ковру, слегка зарываясь в него носками кроссовок. Вокруг стояла перевозданная тишина, и лишь небольшой ветерок шуршал в вершинах макушками стройных сосен. На душе поселилась какая-то тихая грусть. Нет, он уже не переживал и ни о чем не жалел. Он давно все для себя решил и знал, что это единственное верное решение. Грусть была о тех, кто остался там, в городе, из которого он так поспешно бежал, о вымирающей деревне, где забытые государством и брошенные на произвол судьбы, люди готовы отдать последнюю ценность первому встречному только потому, что, как им кажется, ему она будет нужнее.

Здесь, в лесу хозяйничала дикая природа. Нет, следы человека, конечно же, были повсюду. Это правда. То и дело ему попадались то самодельные турники, вбитые гвоздями в стволы деревьев, то полусгнившие, полузасыпанные землей, остовы деревенской техники, а уж самодельные свалки первое время приходилось огибать чуть ли не через каждые десять шагов. Но люди всегда были и всегда будут здесь только гостями. Неблагодарными, грубыми и, порой безжалостными гостями. Они могли прийти, нагадить, посрубать, испоганить деревья. Могли даже поджечь живой, еще, лес.

Но потом, спустя время они все равно уходили в свои дома, и природа начинала зализывать раны, продолжая жить по перевозданным законам. Турники, вделанные в деревья, уже оплыли корой и оказались почти в его центре. Николай

подозревал, что пройдет еще несколько лет и металл внутри ствола совсем раствориться соками и, сослужив хорошую службу в деле обеспечения дерева питанием, отпадет сам собой. То же самое происходило и со всем остальным, за исключением, только, может пластика. Но и его природа слой за слоем покрывала сосновой хвоей, шишками, листвой и зарывая, пряча ужасные шрамы, полученные от человека.

Он заметил, что стало быстро темнеть, и заторопился. Нужно было еще найти какой-нибудь ночлег. Пройдя еще пару стен шагов, уже в зарождавшихся сумерках, он наткнулся на подходящее место. Это была огромная старая сосна, частично вывороченная из земли ураганом. У ее подножья он и решил устроиться. Синтетический полог, купленный у китайцев, он натянул на торчащие вверх корни, предварительно обрубив их так, чтобы они не порвали ткань. Вниз, в естественно образовавшуюся впадину, и без того почти наполовину наполненную, собранными ветром сосновыми хвоей и шишками, Николай накидал дополнительно сухой хвои и листьев из ближайшего лиственного леса. Всю эту постель он накрыл одеялом и кинул сверху спальный мешок. Получилось довольно уютно. Он подумал, даже, что можно было бы задержаться здесь на пару дней. Но потом отменил эту мысль. Нужно было еще добираться до места, а на одних витаминах такой переход ему не одолеть. Надо торопиться. И без того, он опаздывал. Он еще походил какое-то время, посидел на стволе своего дерева, думая о прошлом и, все не ре-

шаясь лечь. Боялся повторения обычных ночных приступов и оттягивал этот момент, как мог дольше. Потом одернул себя за глупое слабоволие и забрался в новую берлогу. Только бы дождь не пошел, успел он еще подумать, перед тем как уснуть. Его яма тогда бы быстро наполнилась водой...

Боль не заставила себя ждать. Она проникла в мозг, едва он заснул и начала терзать его, выворачивая наизнанку. От сна не осталось и следа. Покрывшись холодным потом, он скрипел зубами, напрягаясь в моменты сильных приступов и молил только об одном, чтоб скорее потерять сознание. Пытка становилась невыносимой. В период одного из последних в этой цепочке мучительных пыток и, как правило, самого сильного приступа он даже заорал коротко и дико, и эхо отнесло его крик во тьму, застревая в невидимых ветвях молчаливых деревьев.

Затем боль отступила. Приступы подходили еще два раза, делая его все слабее и слабее. Когда кончился последний, утренний, он уже был выжат как лимон и решил отложить выступление в дорогу на пару часов, чтобы успеть набраться сил. Выпростав из мешка руки, он трудом дотянулся до рюкзака и достал мешочек с лекарствами. Проглотив таблетки и порошки, он с жадностью напился холодной воды из фляги и расслабился. Сна уже не было. Наверное, срабатывал какой-то психологический барьер, не позволяя боли завоевывать лишние позиции во сне. Он уже давно понял, что приступы становятся продолжительнее и происходят чаще, как и пред-

сказывал доктор. Но так просто сдаваться не собирался.

Глава 2

Восток уже заалел. Очертания деревьев, стрелами уходящих вверх постепенно окрасились в нежно коричневые цвета. Вокруг зашумела утренняя жизнь, просыпаясь после спокойного сна. Полосатый бурундук, любопытствуя, прискакал к его берлоге, осторожно подкрался к краю и долго что-то искал в полумраке, рассматривая его то одним, то другим глазом-бусинкой. Николай улыбнулся неожиданному гостю и сказал

– Привет, сосед!

Гость перепугался и в два прыжка мгновенно забрался на соседнее дерево. Не мешкая, он стал улепетывать вверх по стволу, громким верещанием давая понять, как напуган и недоволен произошедшей встречей.

Из-за соседнего бугра медленно выползло солнце и, осветив убежище, ласково согревало, убаюкивая усталое тело. На некоторое время Николай еще забылся, но потом, разбуженный непонятной тревогой зашевелился, проснулся и начал доставать себя из спальника. Немного побаливала голова, как всегда после бурной ночи, а так, он чувствовал себя достаточно уверенно. Слабость и обычная тошнота им уже не замечалась, привык. Наскоро собравшись, он продолжил путь.

Любопытные бабушки, конечно же, не могли узнать в при-

езжем горожанина Кольку, что приезжал со своим приятелем иногда охотиться, еще в студенчестве. У приятеля здесь когда-то жили родители, и они почти каждую зиму на каникулах ездили к ним в гости. Уже после приятель перевез родителей в город и сами собой эти поездки прекратились. Но воспоминания о тех нескольких охотничьих сезонах остался в памяти навсегда.

Однажды в погоне за раненой кабаргой они долго мотались по сопкам, да так, что заблудились и уже в глубоких сумерках набрали на старое заброшенное зимовье. Тогда оно было еще в приличном состоянии. Лиственные бревна, казалось, от времени лишь крепчали. Крыша, правда, немного протекала, но жить было можно. Там была даже печка, искусно слепленная из дикого камня. Именно туда, в далекую таежную глушь решил отправиться Николай, когда обо всем узнал. И до этого места, по его расчетам ему нужно было добираться дня четыре-пять, в зависимости от состояния. Он, полагал, что даже больше. Нормальную пищу он не принимал уже почти неделю и поэтому слабел на глазах.

Он хорошо помнил приметы, по которым нужно было добираться до места. Идти просто прямо в лесу нельзя, обязательно начнешь кружить и заблудишься. Поэтому он старался передвигаться, руководствуясь очертаниями местности, либо ориентируясь по старым, заплывшим запилам на стволах сосен и кедров. Где-то к полудню, на часы он старался не смотреть, он подошел, наконец, к подножью перво-

го перевала. Решил отдохнуть перед подъемом. Перевал был крутой и даже в те, далекие годы, им с приятелем преодолеть его было трудно. Что уж говорить о нынешнем положении.

Нужно было что-нибудь съесть. Голод не ощущался так сильно, как в первые дни, но давала знать слабость, и он принял две дополнительные стимулирующие таблетки, что дома достал через военных. Минут через двадцать таблетки подействовали, и он заторопился. На перевал ему нужно было не меньше трех-четырех часов, затем несколько километров по хребту. Там можно будет отдохнуть, и к вечеру он планировал подойти к промежуточному зимовью, где можно будет спокойно переночевать. Первые метры он еще разгонял себя, но потом заработал в полную силу и набрал приличную скорость.

Грунт был песчаный, сухой, сплошь усыпанный павшей хвоей и ветками. Начали попадаться кедровые шишки, как свежие, так и прошлогодние, полусгнившие. Падая с деревьев, они катились вниз по склону, пока не находили какое-либо убежище, ямку или преграду, где и скапливались в больших количествах. Первое время он пытался еще щелкать орехи, набрав с собой запас, но это сильно сбывало дыхание, и все собранные шишки он выбросил. Уже к середине горы он понял, до вершины с лету ему не добраться. Сердце бешено колотилось внутри, в голове толчками стучала кровь, но самое главное, ноги отказывались нести его

вверх по склону. Он рухнул там, где стоял, прямо на мягкий склон, долго и жадно вдыхая прохладный воздух. Энцефалитку, так же, как и легкий свитер, он снял еще раньше, на ходу и повязал их вокруг пояса. Теперь по его голым рукам забегали муравьи, обследуя такую огромную гусеницу, что принесла им судьба и размышляя, наверное, на сколько времени хватит его, чтобы кормить все население их муравейника. Прошло с полчаса, когда он решил двигаться дальше. Планы нужно было выполнять, несмотря ни на что, иначе... Что будет, если он не успеет, даже думать было страшно.

Короткого отдыха ему хватило ненадолго, но вершина была уже видна, и он заставил себя ползти дальше. Иногда, когда нога срывалась со скользкого бревна павшего дерева, он падал и сам, скатывался немного вниз, но упрямо поднимался, собирал разбросанные вещи, взваливал на себя ружье и карабкался наверх. К концу подъема он уже вошел во вкус, стал напевать старую песенку про капитана и, вроде, она даже помогала ему. По крайней мере, на хребет он забрался ногами, а не на карачках, и даже не стал отдыхать, а бойко двинулся вправо, по едва заметной охотничьей тропинке. Победа над вершиной его сильно взбодрила, он решил до первого зимовья не останавливаться, тем более, что дальше дорога продолжалась по ровному хребту и вниз по склону. Тропинка мелькала среди поросли молодых сосен, зарослей багульника, пригревало солнышко, и вокруг шумела мелкая лесная живность.

Иногда, когда сосны расступались, он видел далеко внизу дымки покинутой им деревни, а еще дальше, ленту реки, серой полосой разрезающую тайгу. Высоко в небе, безучастные ко всему на земле, как огромные белые хлопья, тихо плыли облака, подгоняемые легким ветерком. Они бросали гигантские тени на лес, погружая его в полумрак и окрашивая кроны деревьев в черное. Над головой слышались крики бурундуков или переходных белок, собирающих последние шишки с кедровника. Тут же суетились кедровки, поползники, где-то рядом, невидимый в своем одеянии, стучал дятел.

Природа как бы дразнила его, давая понять, что все это существовало до и будет существовать после него. И вообще, строго говоря, жизнь это одно из звеньев в цепи эволюции. Вон, к примеру, жук, которого дятел выдалбливает сейчас из коры, он ведь даже и не думает переживать по поводу того, что скоро будет съеден. У него эмоции даже не заложены в сознании. Стережется, конечно, но не переживает же. Что же мы так мучаемся, страдаем, когда приходит наше время? Неужели мы чем-то лучше того же жука короеда? Чем? Тем, что сильнее его, что можем, в отличие от него, целиком уничтожить дерево за доли секунды, совершенно не нуждаясь в этом? Эмоции – вот наша беда. Мы отдаемся им в плен с радостью, с удовольствием и они командуют нами, вертят нашими жизнями как хотят. Где-то это доставляет нам удовольствие, где-то – сильнейшие страдания. А зачем? Конец ведь все равно будет один, независимо от того, что мы по

этому поводу думаем.

Размышления над бренностью жизни прервал очередной приступ. Пришлось даже остановиться ненадолго. Днем они переносились легче, но все равно, двигаться в таком состоянии было опасно. Глаза затмевала боль, и идти приходилось вслепую.

Вскоре он подошел к первому знаку. Огромный камень, северная сторона которого поросла лишайником, возвышался как раз посередине вершины, и тропинка обходила его справа. Слегка похлопав старого знакомого по холодному боку, Николай отправился дальше. Теперь нужно было быть более внимательным и не пропустить второй знак, за которым нужно начать спуск к пещере. Эта пещера, как раз и была первым зимовьем на его пути к цели. Там, если все осталось по-прежнему, он сможет переночевать и, даже, вскипятить воду на чай. А пить ему уже хотелось сильно. Воду из фляжки он давно выпил, еще когда забирался наверх и теперь только облизывал пересохшие губы.

Так! Через сто двадцать пять, примерно, шагов, будет старая береза, каким-то ветром занесенная в центр этого хвойного леса. За ней повернуть вниз и идти по косой. Николай прошел сто двадцать пять, сто тридцать, на всякий случай, авось просчитался – сто сорок шагов, сто пятьдесят, пока не понял, что березы нет. Внезапно его бросило в пот, и он остановился. Он был уверен, что не забыл приметы, ведь он вспоминал их все то время, пока добирался в эту глушь. Пошел

обратно, высматривая в обе стороны, на случай, если береза упала и сейчас лежит внизу, сползшая по склону. Вот и камень. Егохватило, было, отчаяние, ведь дальнейшая дорога могла очень сильно затянуться. Этот склон хребта был сильно изрезан лощинами и, найти пещеру, не зная, в каком месте следует начинать – было практически невозможно.

Так, успокаивал он себя, нужно подумать. Возможно, шаги его изменились, допустим, даже, береза упала, либо ее спилили. Но должны же быть какие-то следы ее прежнего присутствия, пусть даже пень, в конце концов. Он снова отправился на поиски, внимательно всматриваясь в заросли кустов по обеим сторонам тропинки. Отсчитав сто двадцать пять, он остановился и начал детально обследовать то место. Лишь случайно он заметил их. Коричневая поросль крохотных березок пробивалась среди багульника, едва выступая кончиками веток из общей массы. Тут же, среди них он увидел и пень, вернее его полусгнившие останки. Не мешкая, он свернул с тропы и, нацелившись взглядом на соседнюю вершину, двинулся вниз по склону.

Он потерял слишком много времени на поиски, и солнце теперь уже катилось к закату. В темноте нечего было и надеяться найти искомое. Так он и спускался по косо́й, стараясь держаться на линии от места, где когда-то стояла береза, он заметил там приметный кедр, и соседней вершиной, в сторону которой он и направлялся. Вскоре запахло сыростью, и он понял, что близок к цели. Появились первые признаки

приближающегося родника – заросли моховки. Вот и он, ручей. Пещера была уже недалеко, нужно было лишь подняться вверх по ручью. Внезапно вверху раздался странный звук. Будто бы кто-то тяжелый и огромный шлепает по воде, шевеля булыжники и ломая ветки. Черт! Выругался Николай. Только медведя мне не хватало. Он скинул рюкзак и дрожащими руками быстро достал и собрал ружье. Зарядил картечью, хотя понимал, что, стреляя в животное, он подпишет себе приговор. Раненый зверь – хороший охотник и будет мстить до последнего, если сразу не задерет. Так умирать было бы глупо. Он стал подниматься вверх по ручью, навстречу опасности и при этом старался, как можно сильнее шуметь и кашлять. Даже покричал несколько раз, надеясь, что косолапый все поймет и не станет доводить до его греха. Косолапый и впрямь понял.

Это был небольшой молодой медведь, еще недавно бродивший с мамкой, но уже ставший вполне самостоятельным. Он находился на правом берегу, присев на задних лапах и напряженно всматривался в приближающегося человека. Какого черта он не убежал? Наверное, любопытство не только вторая человеческая натура. Медведю было страшно интересно – кто это еще такой же большой, как и он, бродит по берегам его ручья и тоже лакомится перезревшей моховкой? При виде дикого зверя, у Николая зашевелились волосы по всему телу. Он застыл как вкопанный, каждой клеточкой тела ожидая, что мишка сейчас бросится на него и тогда при-

дется стрелять. До хищника сейчас было никак не больше двадцати метров, и Николай явственно учуял его тяжелый звериный дух. Маленькие глазки зверя пристально буравили человека, как будто давая понять, что двоим здесь не место. Гляделки продолжались до тех пор, пока медведю не надоело сидеть на заднице. Он тяжело вздохнул, рыкнул, отвел взгляд и опустил на передние лапы. Потом коротко глянул снова, блеснув белками, как бы извиняясь, опять коротко рыкнул и бочком стал удаляться вдоль склона. Только тогда Николай смог задышать в полную грудь. Внезапно в ногах, и без того слабых совсем отказали мышцы, и он сел, где стоял. Зачерпнул холодной воды из весело бегущего ручья, напился и умылся. Стало немного легче. Только после этого, медленно, стараясь не делать резких движений, он тронулся вверх. Казалось, из кустов за ним наблюдал его знакомый, недовольный тем, что его согнали с насиженного места. Но, все было тихо.

Пещера оказалась совсем рядом. У входа теперь росло несколько молодых сосенок. Он с трудом протиснулся между ними и прошел внутрь. Снаружи уже почти стемнело, да еще эти деревца у входа – внутри стояла жуткая темень. Пришлось вслепую шарить в рюкзаке, разыскивая спички. Насилу нашел, почти на самом дне один из коробков, зажег спичку и попробовал осмотреться. Пещера выглядела нежилой, хотя, кое-кто из зверей здесь побывал, судя по следам маленьких лап на немногих, покрытых землей, участках есте-

ственного каменного пола. Спичка быстро обгорела, подпалив пальцы, и в пещере опять наступила тьма. Он на ощупь двинулся дальше, рискуя удариться головой о камни. Где-то здесь, на каменном уступе должен быть огрызок свечи. Пошарил руками по холодной стене, ничего не нащупал и снова зажег спичку. Полочка оказалась совсем в другом месте, но, все же, свеча на ней была, к счастью. От зажженной свечи в пещере стало немного светлее и чуть-чуть уютнее.

Вскоре, на самодельном очаге уже пыхтел закопченный чайник, а на полу был готов ночлег – спальный мешок на куче лапника. Сил на то чтобы как-то готовиться к ночи уже не оставалось. Николай наспех проглотил свой обычный рацион, выпил горячего чая, чтобы согреться и не раздеваясь, нырнул в спальник.

Ночью его еще помучили приступы, но он чувствовал их как нечто постороннее, как часть сна. Жуткую и страшную часть, но все-таки сна.

Проснувшись, некоторое время еще полежал, согретый теплом спальника, и никак не решаясь встать.

Костер уже затух, но слабое тепло от него еще согревало воздух. Снаружи было тихо, в пещере, сейчас пока еще темной, достаточно комфортно, особенно если учесть, что в ближайшие три-четыре дня ему придется спать, скорее всего, под открытым небом.

Может быть, остаться здесь? – Опять мелькнула трусливая мысль. Сразу после нее в головы полезли всякие доводы.

Что, мол, и вода рядом и идти далеко не нужно, да и дом, получше будет, чем деревянная избушка, если от нее вообще что-то осталось. Но стоило ему вспомнить о своем обещании, данном им самому себе, как внутри все вскипело. Трус! Тряпка! Совсем расклеился! Дерьмо ты, а не человек! Легких путей ищешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.